

Я был уставшим. Я путешествовал почти без остановки в течение 60 часов. После раннего уведомления об увольнении на моей базе в северной Японии я отправился на военном самолете в Токио, затем долгий перелет из Токио в Сан-Франциско через Гавайи. Затем шесть часов подписывал необходимые бумаги, чтобы меня уволили из ВВС. И наконец, долгая поездка на автобусе "Грейхаунд" обратно в Денвер. Теперь я выходил из такси и шел последние несколько кварталов, с вещевым мешком на плече, к дому, который, как я надеялся, я помнил.

Ладно, давайте немного вернемся назад.

Шел 1972 год, мне было 24 года. Я женился только что из колледжа, брак был неудачным во время службы в Японии, у меня не было никаких связей в Иллинойсе, где я жил с отцом несколько лет после смерти матери, и теперь я был готов стать серьезным студентом, если только смогу поступить в колледж в своем родном городе.

Когда я шла последние пару кварталов, я надеялась, что у Мардж и Си, подруг моей матери и моих постоянных нянек, когда мамы не было дома, найдется комната, которую я смогу снять. Я не хотел жить в общежитии после четырех лет службы в ВВС, точно не хотел мириться со всякой херней, связанной с дедовщиной в братстве, и мне просто нужно было где-то жить. Я знал, что их сыновья съехали, поэтому решил, что они, возможно, смогут меня приютить.

Если они все еще живут там.

И если я смогу найти дом.

Я шел по южной Огден-стрит, перебирая в памяти десятилетия.

И вот он.

Я поднялся по трем ступенькам на крыльцо, глубоко вздохнул и позвонил в дверь.

Я узнал ее, как только дверь открылась. Она была невысокой, кругленькой и пышногрудой. Ее волосы теперь были медно-рыжими, а не простыми брюнетками, как я помнил. Ее лицо было круглым, не красивым или милым, но привлекательным, с большими глазами, носом-пуговкой и очень большим ртом с полными губами.

Я просто стоял там, ожидая и удивляясь.

И тут я увидел, как на ее лице промелькнуло узнавание.

"Дэйви?!" - сказала она, открывая дверь и делая шаг ближе.

Я ухмыльнулся. "Марджи", - сказал я, насколько я знал, единственный, кто называл ее так.

Она ударила меня по щеке. Не сильно, ну, не настолько сильно, чтобы оставить синяк. Но определенно достаточно сильно, чтобы натянуть струны.

"Восемь лет и ни слова?" - крикнула она, а затем ее щедрый рот растянулся в улыбке, обнажив слегка подрагивающие зубы.

И она сделала последний шаг между нами и обняла меня.

Я не мог не осознать мягкость, теплоту, чистую женственность, которую я держал в руках.

"Ладно, - сказала она, разрывая объятия, - заходи и расскажи мне, что происходило".

Я вошла следом за ней, бросила свой вещмешок за дверь и направилась на кухню. За кухонным столом, где я так часто завтракал, она предложила мне чай со льдом и всегда стоящую в холодильнике миску с огурцами и нарезанным луком в уксусе.

Я вкратце рассказал ей о своей жизни. После того как мы похоронили маму, отец забрал меня обратно в Чикаго, где я, к своему удивлению, окончила среднюю школу и младший колледж. Женился молодым и глупым. Был призван в армию и выбрал ВВС. Выполнил свой долг перед страной.

"И вот теперь я здесь", - заключил я, - "в надежде, что вы с Си снимете мне комнату, пока я буду обустраиваться и возвращаться в колледж".

Когда я закончил фразу, я увидел, что ее глаза покраснели, и она начала плакать.

"Что?" спросил я, протягивая руку через стол и касаясь ее руки.

"Милый", - сказала она, вытирая слезу, - "Си умер три года назад".

"Вот черт, - сказал я, забыв, что я снова гражданский, - мне очень жаль. Я не знал".

"Конечно, не знал", - сказала она, сумев слабо улыбнуться.

Оказалось, что Си, чье настоящее имя было Фред, но никто его так не называл, работал на заводе по производству напольных покрытий для грузовиков, и в результате одного из тех несчастных случаев, которые могут произойти, на него упал груз готового напольного покрытия, от чего он мгновенно умер.

Она покачала головой и вытерла слезу.

"Конечно, ты можешь оставаться здесь, милый", - сказала она, - "столько, сколько тебе нужно".

Я улыбнулась и сказала: "Хорошо, покажи мне, где спать, а я приму душ и отведу тебя на ужин, чтобы отпраздновать мою новую хозяйку".

Она хихикнула и повела меня вниз, в спальню, которой я пользовался в прошлом.

Я сделал то, что обещал. Я принял душ, но не побрился. В то время я решил, что ВВС задолжали мне четыре года бритья и стрижки, и я, черт возьми, намеревался их получить. Я оделся в свою лучшую гражданскую одежду, решив, что устарел не более чем на два года.

Когда я вошел в гостиную, она, очевидно, тоже привела себя в порядок. И выглядела она потрясающе. Она была одета в яркую блузку с принтом и юбку, которая заканчивалась чуть выше колена, но была отделана бахромой, чтобы добавить пару дюймов скромности. Блузка, как я не мог не заметить, была расстегнута на три верхние пуговицы, и на всеобщее обозрение было выставлено обширное декольте с голубыми прожилками. Наряд скорее подчеркивал, чем пытался скрыть ее размеры, а она была крупной женщиной. Туфли на каблуках средней высоты с ярко-красными ногтями, выглядывающими из-под них, хорошо подчеркивали ее ноги.

Я остановился и посмотрел.

Хорошо, я остановился и уставился.

Мне было щекотно, что она покраснела.

"Боже, Дейви, - сказала она, хихикая, - сфотографируй, это дольше сохранится".

Я улыбнулся и сказал: "Ты сногшибательна".

Мне понравилось, что она покраснела, а потом захихикала, давая мне возможность взглянуть на прекрасную 18-летнюю невесту, которой она когда-то была.

Она шагнула вперед и взяла меня за руку.

"Ладно, бордер, - сказала она, - куда мы пойдём?"

Я рассмеялся и сказал: "Марджи, я не был в Денвере уже десять лет. Я сомневаюсь, что места, в которые я ходил, когда мы с друзьями в школе катались по окрестностям, вообще существуют. Но в основном после трех лет риса и рыбы мне хотелось бы мясного рулета".

Она рассмеялась, я вспомнил ее грубый смех, и сказала: "У меня как раз есть такое место".

Она привела меня в маленький гараж, и я рассмеялся. Шевроле 210 1957 года выпуска, который они купили новым, все еще был там.

Она усмехнулась и сказала: "Эй, он работает. Хочешь прокатиться?"

"Умммм, - сказал я, - я уже три года езжу не по той стороне улицы. Мне лучше акклиматизироваться, прежде чем пробовать. Кроме того, у меня нет водительских прав".

Поэтому я решил открыть ей дверь, а потом перебежать на пассажирскую сторону и сесть внутрь.

Старый автомобиль завелся и работал отлично, шестицилиндровый двигатель тянул мощно, и она хорошо справилась с переключением передач.

Она включила радио, и я был рад, что у нее была включена классическая станция, то, что мы сегодня называем "старыми вещами". Вскоре я уже подпевал Рикки Нельсону, который ныл о том, как тяжело быть кумиром подростков.

"У тебя хороший голос", - сказала она.

"Спасибо, - сказал я, - во время полета у нас была группа, и я немного играл и немного пел. Мне нравится думать, что мы были довольно хороши".

Ресторан находился в одном из тех маленьких торговых центров, которые раньше были так распространены. На вывеске было написано просто "У Энн", и когда мы вошли, из-за стойки вышла очень кругленькая и довольно симпатичная женщина - в этом заведении была настоящая стойка для обедов - и заключила Марджи в объятия.

"Где ты пряталась, дорогая", - сказала она, держа Марджи на расстоянии вытянутой руки.

"Да так, гуляла", - ответила Марджи, а потом: "Энн, познакомься с Дейви, старым другом и моим новым постояльцем".

Энн, как оказалось, это была Энн, оглядела меня с ног до головы, а затем повернулась к Марджи и усмехнулась.

"Теперь понятно, почему", - сказала она и повернулась ко мне, обнимая меня, как подушку.

"Приятно познакомиться", - сказала я, когда она отпустила меня.

Ужин был восхитительным. Мы разговаривали как старые друзья, наверстывая упущенное. Мы

много смеялись.

Мясной рулет был превосходным, с намеком на какой-то сыр. Картофельное пюре и кукуруза, картофель, плавающий в хорошей коричневой подливке, завершили чисто американский "домашний" ужин. Вино, определенно не американское, было одним из моих любимых - домашнее кьянти, настолько сухое, что невольно задумываешься, можно ли им снять краску. Мне понравилось.

Когда Энн протянула мне чек, она слегка подмигнула, сказала Марджи, как приятно было увидеть ее снова, и вернулась за стойку. Когда я посмотрела на чек, то с удивлением увидела маленький кусочек, как я поняла, кассовой бумаги, приклеенный к нему маленьким кусочком скотча. На нем был номер телефона, слова "позвони мне" и маленькое счастливое лицо, сделанное в виде сердечка. Я поднял глаза, она улыбнулась и приложила указательный палец к губам в универсальном знаке "ш-ш-ш".

Я усмехнулся в ответ.

Я был немного пьян, когда мы уходили. Не пьян, но это была долгая неделя, и алкоголь подействовал на меня.

Когда мы вернулись домой, она поцеловала меня, целомудренный поцелуй матери и сына, и я направился в свою спальню.

Я отслужил четыре года в ВВС, но никогда не ставил себя в один ряд с теми, кто на самом деле нажимает на спусковые крючки. Моя работа заключалась в разведке ВВС (и нет, это не оксюморон), которая отслеживала, что происходит с китайской ракетной программой, и в общей сложности я спускал курок в течение одного дня во время базовой подготовки, когда мы бегали по полосе препятствий, ели в полевой кухне и проверяли М-16. За четыре года службы в армии я произвел всего 50 выстрелов, и ни одного в гневе. Тем не менее, каждый, кто когда-либо проходил базовую подготовку, спит практически по своему желанию, но легко просыпается.

Я проснулся, прислушиваясь. Интересно, что меня разбудило.

Потом я услышал небольшой скрип в полу.

"Дейви, - сказала она мягко, - можно я буду спать с тобой?"

Я приподнялся на локте, откинул простыню - все, что мне было нужно в теплую ночь, - и приглашающе похлопал по матрасу.

"Нам не нужно, знаешь ли, - и я почти услышал, как она покраснела, - ничего делать. Просто я так давно ни с кем не спала".

Я снова похлопал по матрасу и почувствовал, как кровать прогнулась, когда она легла рядом со мной.

Когда я прикоснулся к ней, не было ничего, кроме кожи.

"Если ты не хочешь меня", - сказала она, - "я пойму".

Что заставило меня рассмеяться.

"Марджи, - сказал я, слегка касаясь ее щеки, - я был влюблен в тебя с тех пор, как наступило половое созревание, и я был влюблен в тебя с тех пор, как увидел тебя раньше. Если ты хочешь, - и я усмехнулся, - сделать что-нибудь, я согласен".

Она прижалась ко мне, ее большие груди на подушках были теплыми и мягкими, ее живот тоже был теплым и мягким.

"Ты уверен?" - спросила она тоненьким голоском.

Я снова захихикал.

"Марджи, я уверен, - сказал я, - главный вопрос в том, уверена ли ТЫ".

Тогда она поцеловала меня. На этот раз не как мать и сын. Настоящий поцелуй мужчины и женщины, ее рот был голодным, ее язык щелкал и касался моего, ее спина выгнулась, прижимая ее тело к моему.

Ее женский запах, насыщенный феромонами, сигнализировал о том, насколько она готова.

Она крупная женщина, поэтому я не мог поднять ее, но я использовал свои руки и давление, чтобы она оказалась сверху.

Когда мы соприкоснулись, моя эрекция коснулась ее потребностей, я остановился и оттолкнул ее настолько, что наши глаза сфокусировались друг на друге.

"Ты уверена?" спросил я.

"Да", - просто ответила она и толкнулась вниз, принимая меня в свое тело.

Она была теплой и скользкой. У нее было двое детей, и она была мягкой и свободной, принимая меня в себя.

Вдруг я почувствовал, как мышцы ее влагалища напряглись, даже сжались, почти болезненно, когда она прижалась ко мне.

Ее дыхание перехватило, и я почувствовал внезапный влажный прилив ее разрядки, когда она так же быстро кончила.

Мои руки были на ее бедрах, прижимая ее ко мне, в то время как ее тело напряглось от удовольствия.

Когда она начала расслабляться, я прошептал "не шевелись".

Я почувствовал, как она расслабилась и вдруг снова прижалась ко мне, когда ее охватил второй оргазм.

Теперь я сжимал мягкий валик ее бедер, и когда она начала расслабляться, я как бы шипел "не останавливайся".

Я услышал, как у нее снова перехватило дыхание, и почувствовал напряжение под моими пальцами, которые теперь впивались сильнее, и ощутил еще одну волну ее влажной разрядки.

Я сжал сильнее, вызвав у нее тихий стон, и сказал, немного громче: "НЕ СТОЙ!".

На этот раз она вскрикнула.

"О, БОЖЕ! Дейви", - закричала она, и когда она кончила, я подумал, что она действительно потеряла контроль над мочевым пузырем.

На этот раз, когда волна прошла, я позволил ей расслабиться, притянул ее к себе, улыбнулся, когда она попыталась опереться, и потянул ее вниз.

"Дай мне твой вес", - прошептал я.

Она прижалась ко мне, и я просто держал ее, все еще находясь внутри нее, ощущая ее тепло и мягкость.

Я понял, что она тихонько плачет.

"Ты в порядке?" тихо спросил я.

Она тихонько хихикнула.

"Прошло много времени, милый", - сказала она.

Я погладил ее по шее, издавая тихий гул, и когда она повернула лицо, чтобы поцеловать меня, оно было сопливым и соленым от слез. Очень хороший поцелуй.

Мы оставались так некоторое время, пока она снова не начала двигать бедрами.

Она приподнялась, приняв классическую позу ковбойши, и я начал играть с ее потрясающими грудями. У нее были маленькие соски на больших ареолах. Ареолы были плотными, образуя морщинистые конусы. Я начал нежно пощипывать их, слегка доить ее, вызвав еще один тихий стон.

Я чувствовал, как влажность ее потребностей снова нарастает, увлажняя нас обоих там, где мы были соединены.

Но она уставала, я мог сказать.

И она была чертовски сексуальна: голова откинута назад, рот открыт, из носа течет, волосы мокрые от пота, который блестел на ее теле.

"Иди сюда", - сказал я, поймав ее руки в свои и мягко потянув ее вниз.

Когда она начала подаваться ко мне, я быстро перевернул нас в классическую миссионерскую позицию, но не отпустил ее руки.

Я осторожно переместил ее руки вверх, пока ее руки не оказались вытянутыми прямо над головой.

"Расслабься", - сказал я, - "позволь мне сделать всю работу".

Я нежно поцеловал ее и почувствовал, как она начала делать то, о чем я просил.

Напряжение покинуло ее тело, включая легкое сжатие в том месте, где она держала меня внутри себя.

"Хорошая девочка", - сказал я, - "теперь не двигайся, иначе я остановлюсь".

Она ничего не сказала, но и не двигалась.

Я начал очень медленный ритм.

Медленно, очень медленно я выходил из нее, пока не стал едва касаться, а затем медленно, очень медленно, снова входил в нее.

Медленно выхожу.

Медленно входил.

И я чувствовал, как меняется ее влажность.

Через несколько минут, когда я продолжил этот медленный ритм, она изменилась.

Ее естественная смазка стала густой и теплой, даже скользкой, убирая последние намеки на трение.

"Скажи мне, что ты любишь меня", - прошептал я.

"Я люблю тебя", - ответила она без колебаний.

Медленно выходим.

Медленно вошла.

"Скажи это снова", - прошептал я.

"Я люблю тебя", - тихо сказала она, все еще не двигаясь.

"Еще раз", - сказал я.

Медленный выход.

Медленный вход.

((gasp)) "Я люблю тебя", и на этот раз ее голос был выше.

Медленный выход.

Медленный вход.

"Еще раз", - сказал я чуть громче.

"Я ((задыхаюсь)) люблю ((задыхаюсь)) тебя ((задыхаюсь))", - справилась она.

Медленный выход.

Очень медленный вход.

Когда она кончила в последний раз, это было впечатляюще.

Звук, который она издала, был вроде...

Она полусидела, и я почувствовал, как она сжимает мою эрекцию, каждый мускул ее тела был напряжен, ее пальцы впивались в мою спину.

И я кончил вместе с ней.

"Да", - шипела она.

"Да, Боже, да, наполни меня, Дейви", - задыхалась она.

Ее ноги обвилились вокруг меня, ее пятки уперлись в мою задницу, пытаясь втянуть меня глубже.

"Я тоже тебя люблю", - прошептал я, но не думаю, что она меня услышала.

Она тихонько похрапывала.

<http://erolate.com/book/1651/49093>